

Сляднева В. И. Горлицы: Лирика. – Ставрополь, 1980. – 95 с.

ВИДЕТЬ ЗЛАК ОВ ЦВЕТУЩИЙ ПРОСТОР!
И ТЕРЯТЬСЯ В УЩЕЛЬЯХ ЗАСНЕЖЕННЫХ
ГОР,
И ЗА ГРУСТНОЙ ЛЕГЕНДОЙ СИДЕТЬ У
КОСТРА...
ЖИЗНЬ СЛУЧАЙНОКО МНЕ
ОКАЗАЛАСЬ ДОБРА!
И КОЛЁС ПЕРЕСТУК, И ПИЧУГ
ПЕРЕСВИСТ!
ПРОВОЖАТЬ В ОКТЯБРЕ УЛЕТАЮЩИЙ
ЛИСТ!
ПИТЬ В ИЮНЕПРОПАХШИЕ СЕНОМ
ВЕТРА —
ЖИЗНЬ СЛУЧАЙНОКО МНЕ
ОКАЗАЛАСЬ ДОБРА!

Две сторонки-стороны,
Две бескрайних дали
Вышли вдруг из старины
И ко мне припали,
Словно две моих руки,
Два крыла орлицы...
Из Кубани из реки
Пить мне не напиться.
На Урале брать руду,
В пласт врезаться бурый...
На Кубани я — в страду,
На Урале — в бурю.

* * *

Есть у меня два солнца на земле:
Крестьянка-мать и Родина родная.
И на моем пути не стлаться мгле,
Пока они со мной — всегда сильна я!
Им ведом каждый шаг мой,
Каждый вздох,
И честный спор, и малая утайка...
И сделать так — мой самый первый долг,
Чтоб птиц над ними веселилась стайка,
Чтобы медовым запахом несло
С полей цветущих — им, двоим, в угоду...
Чтоб ни одно из солнц не отреклось
От моего существованья сроду.

* * *

Там, по земле ставропольской, дороги бегут,
Шепчется с Горькою балкою речка Калаус.
Завтра глазами я край свой окинуть смогу —

Так я мечтаю...
Мечта, ты куда сбывалась!
Очень люблю я, как яблоки зреют в садах,
Как ребятишки чумазые возятся в лужах,
Как возвращаются с пастбищ под вечер стада...
Тянет дымком — хлеборобам готовится ужин.
Как ты красива, степная моя сторона!
Вдоволь согретая ласкою рук работающих...
Память моя, ты под ветром звенишь, как струна.
Лебеди сердца, кто вас остановит, летящих?

* * *

Ой, Мутнянка, ты, Мутнянка,
Речка светлая моя!
Увези, скорей, степнянка,
В незабытые края!
Где-то здесь — как в прошлом прадед —
Дед мой делает саман,
Где-то здесь, в глубокой пади,
Кони выпили туман.
И отцовская литовка
Окунается в зарю...
Скину туфли.
Будет колко.
Нет, не колко! — говорю...
Ты верни мне, речка, радость,
Ситчик платья и весну...
Ты поила столько радуг —
Напой еще одну.

СОЛОМА

Леса тут срезали под гребень,
В степи и чисто, и светло...
Но селам нужно для сугреву
Зимой какое-то тепло.
И после жатвы возле дома,
Когда закат с горы стекал,
Отец навильники соломы
На скирд с телеги подавал.
Волы хвостами то и дело
Махали, отгоняя мух,
Солома клочьями летела,
Летела, падала вокруг...
В любой соломинке жил лучик.
Мы пели, хмурился отец
И говорил, что было б лучше
Достать каких-нибудь дровец.

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

Принесу домой воды
Из колодца два ведра,
А на донцах две звезды —

Каждая звезда светла.
И, дыханье затая,
Я гляжу на них. а мать:
— Каждая звезда твоя,
Постарайся их достать!
Две звезды моих, звезды
В речке с кликами гусей,
У дороги, у избы,
Посреди вселенной всей!
По моей, по чьей вине
Не сумела их достать?
Но они светили мне —
Не того ль хотела мать?!

РОДИМЫЕ СЕЛЕНЬЯ

И. Кашпурову

Надежда, Старомарьевка, Ташла,
И хутор под названием Холодный,
Я вдоль и поперек вас все прошла,
Ассортимент ваш знаю огородный.
И голубятни на примете все —
Так мало их уже сегодня стало!
Хозяюшки — подолы их в росе —
Коров зарею выгоняют в стадо.
Мальчишки забавляются плотвой,
Полей бескрайних красятся квадраты
То в чернь, то в зелень — цвет же золотой
Воспринимают люди, как награду.
В шмелях звенящих, в запахах садов,
В хрустящей ароматности солений...
Как ладно вы под боком городов
Устроились, родимые селенья.

* * *

Тут комбайны идут непрерывною цепью,
И поют перепелки, сменяя лады,
Тут недолгие зори полыхают над степью —
Зори хлебом пропахли за время страды.
И бессонно гудит на горе элеватор,
И янтарные зерна ручьями текут...
И пока там и тут продолжается жатва —
Продолжается счет не часов,
А минут!

* * *

Хлопочут от зари и до зари
В лугах веселых травы-новоселы,
О чем-то изначальном говорит
Со мною зеленеющий проселок.
А я ему гутарю про свое...
А старый пруд уже наводит глянец,
И для меня одной скворец поет,

И скоро в сад мой буйный цвет нагрянет.

* * *

Распахнуты сиротски
Тесовые ворота,
Дырявые ворота,
Что были хороши...
И рядом бродит кто-то,
С клюкою бродит кто-то,
Я оглянусь — не видно,
Не видно ни души!
Но и крапиве рада —
Она с минувшим рядом!
Привечу грустным взглядом
И камень, и лужок...
Остался без догляду
И огород...
Меж грядок
Луч тыквам спины жег.
Ни песни, ни рыданья —
То с юностью свиданье!
Блеснет меж пастбищ дальних
На солнышке слюда...
Ищу воспоминанья,
Зову воспоминанья —
Они ведь отовсюду
Слетаются сюда.

* * *

Мать лица не прятала,
Плакала и плакала:
Ты почаще, доченька,
Письма-то пиши...
И свои ухмылочки
Братовья не прятали:
«Стать, мол, знаменитой
Больно не спеши...»
И еще отец мой
Молвил неторопко:
Уезжаешь, значит,
Только не забудь —
Род наш не был робким,
Не был и ледачим.
Кем бы ты ни стала —
Человеком будь!
Лес махал по-дружески
Ветками зелеными,
Девочкой-осинкой
Догонял вагон...
И с тех пор все еду,
Еду по России —
Небо, небо синее

С четырех сторон.

* * *

Село мое. Окраина.
Опять в поля иду...
И перепелка ранняя,
И травы на меду.
И ноги мои голые
Искусаны стерней...
Прикрыл мне парень голову
Своею пятерней.
Всю ночь косил с напарником,
Видать одни глаза...
Скажу с улыбкой парню я:
— Давай снопы вязать!
Мы рук движенье выверим,
Взойдем на бугорок,
Где два снопочка выветрит
Кубанский ветерок.

* * *

— Пигалицу звеньеваой назначили! —
Батька мой опять устроил складчину.
Пьет с соседом, жмурится от солнышка —
У стакана розовое доньшко...
— Ты не очень, батька, похохатывай!
Вот возьму и кликну мать за хату я, —
Будут вам с соседом неприятности!
— Будут да по всей да вероятности!
Ну куда звено тебе, головушка!
Девки там и с детками молодухи,
А тебе пятнадцать только стукнуло!
Где-то детство рядышком аукнуло...
— Мне работать звеньевою нравится!
Постараюсь с делом я управиться...
Только где солидности разжиться мне?
Босиком лечу навстречу Житскому,
Тараторю, только управляющий
Говорит: — Я вижу, управляешься!
В клубе от улыбочек развиднится.
Поднимусь на сцену я в президиум,
И замечу в первый раз, счастливая,
Что у батьки глазоньки слезливые.

В СТАВРОПОЛЕ

Отчетливо видны здесь, как нигде,
Черты эпохи, что стирает грани
Меж городом и сельскою геранью,
И утками, снующими в воде.
Столкнулись лбами хатки и дома,
Где ввысь на лифте бабушки взлетают,
К тем лифтам уважение питаю,

* * *

Не осыпаются розы, и флоксы не вянут.
В саду моей юности выпали росы к утру...
В густых луговинах, в оврагах, поросших бурьяном,
Пурпурное платье мое парусит на ветру.
В тропинки родимые след мой навеки впечатан,
За хатой ажурный раскинули лист купыри...
Заходят за мною по ягоды снова девчата —
У нас этих ягод в июне хоть горстью бери!
Как видится все мне! Как все меня вновь зовет!
Весенним соцветьем в глазах беспрестанно рябя...
Родная сторонка, бывает, тебя забываю,
Но это бывает, когда забываю себя.
Не осыпаются розы, и флоксы не вянут.
В саду моей юности выпали росы к утру...
В густых луговинах, в оврагах, поросших бурьяном,
Пурпурное платье мое парусит на ветру.

* * *

Вновь яблоня под тяжестью плодов
Стоит в заре и светится улыбкой...
То мать моя, надев цветной платок,
С улыбкою склоняется над зыбкой.

* * *

И нарастает в поле шорох,
И с каждым днем слышнее он.
А там уже, — что с детства дорог,
Летит в округу гул и звон.
Еще денек, еще неделя —
И вот ряды валков рябят...
Перепела едва успели
Переселить перепелят.

НА ПОГОСТЕ

Где ты, бабушка Ульяна? —
Ни оградки, ни креста...
Причитает кто-то, гляну,
У кудлатого куста.
Не напрасно ль уповаю
У родни побыть в гостях?
Потерялась родовая —
Не какой-нибудь пустяк!
Мама трет глаза платочком —
Все ей — кочки на пути...
Говорит: «Могилку, дочка,
Постараюсь я найти!
Хоть давненько не бывала —
Обезножили года, —
Я мамашу поминала
В поминальный день всегда!»

Обновили холмик низкий,
Новый крест приладил брат...
Тут последние прописки
Без фамилий, громких дат.
Потерялись без надгробий
Пахарь, резвый ездовой...
Но горжусь своей огромной
Трудовой родовой!
Ох ты, бабушка Ульяна...
Шаг мой медленный тяжел.
По могилкам, по бурьяну
Летний дождичек пошел...

* * *

Крутояры, кураи...
Степь со мной на пару.
А ветрило норовит
Сдут с горы отару.
Мериносы разбрелись,
Радуюсь прохладце.
Стрижамент, щеку приблизь,
Будем целоваться!
Троекратно, как велит
Наш обычай русский...
Голубые ковыли,
Голубая блузка.
Щеткой чебор под рукой,
Льетса в душу сила...
Ну на кой меня, на кой —
По земле носило?

* * *

Работаю, как землю дед пахал,
Не ожидая скорых результатов,
Лишь веря в нужность крепкого стиха,
Который, может быть, придет когда-то
Мой дед бросал зерно и снова ждал
Дождя и ясной солнечной погоды,
И улыбался он, когда видал,
Как в поле стройно зеленели всходы.
И снова ждал — нальется ли зерно?
Удастся ль хлеб убрать — гроза вон где-то!
Работаю.
Живет во мне давно
Лишь ожиданье
То же, что у деда, —
И, может, счастье главное оно!

* * *

Мы в огород везли
С отцом навоз на кляче..
Тут каждый ком земли

Он ежегодно нянчил,
И выходила мать
С ним огород копать,
Сажать и убирать...
Кормил тот огород,
И веселил, и гробил...
Вот он плывет, как плот,
И различаю вроде
На нем отца и мать,
Что собрались копать,
Сажать и убирать...

* * *

Подарил подкову мне на счастье
Газика попутного шофер,
И с тех пор все кони, кони мчатся,
Цокая за мной во весь опор.
То вот-вот настигнут, то отстанут,
То совсем не слышно тех коней...
Я от жизни, может быть, устану,
И забуду все, что было в ней:
Свет звезды и тихую улыбку,
И веселый ветер гулевой...
Счастье, оно призрачно и зыбко,
Но подкова — спутница его.

* * *

Что-то в жизни свершается главное,
А за мной — ни заслуг, ни вины...
Как в стакане, в окне моем плавает
Золотистая долька луны.
Мама спит за цветной занавеской,
Находилась — не чувствует ног,
Поднимается теплое тесто —
Будет к завтраку свежий пирог.
Мать присядет напротив,
От взгляда
Мне опять не укрыться небось...
Улыбнусь и скажу ей: — Порядок!
Будто, вправду, все в жизни сбылось.

* * *

В прохладных сенцах хлебный квас
Черпну я из бадейки старой,
И снова — в солнце. Кто из нас
Не пас стада или отары?
В селе мы все прошли тот курс
Нехитрой выучки пастушьей...
Я помню земляники вкус,
Костер, что время не потушит.
Мне ест глаза кизячный дым,
У трав меняются оттенки...

Довольна ужином простым,
И сбиты у меня коленки.

* * *

Я с мамою, Полиною Мироновной,
Иду на гору — кочки, зной, репьи...
Она мне говорит: — Дорога ровная
Начнется скоро, дочка, потерпи!
Какой бы ни была гора огромною!
И как бы вновь ни жалили репьи...
Мне слышатся слова: «Дорога ровная
Начнется скоро,
Дочка, потерпи...»

А МНЕ НЕ СНИЛОСЬ НИЧЕГО
Каким-то чувством непонятым,
Чутьем, наверно, моя мать,
Шепча в колоду карт невнятно,
Про нас умела все узнать.
В колоде, временем истертой,
Мы каждый знали свою масть,
И, замечая слез потеки,
Всё успокаивали мать:
— Да брось ты, мама, это дело!
Ведь карты врут — и весь тут сказ...
Но ей не ввали... Мать успела
В том убедиться, и не раз.
И снились ей всегда так явственно
Сны вещие, в урочный час
Без телеграмм под веткой ясеня
Она ждала заране нас.
Письмо дрожало, не читалось,
Но дочитала я его...
В больнице месяц мать металась,
А мне не снилось ничего.

* * *

Лето катится, как яблоко.
Красный бок, зеленый бок...
В край родной я, как на ярмарку,
Все равно успею в срок.
Потому, что лето длится там
Восемь месяцев в году —
То горит в хлебах зарницами,
То — тюльпанами в саду.
Там полями и лиманами,
Тихо глядя на звезду,
Я, по отчеству Ивановна,
По земле своей пройду.
Там в Медведке — речке маленькой,
Лишь на донышке воды...
Но плывут над Новомарьевкой

Соловьиные лады.
Знаю, знаю, я заранее,
Что меня в других краях
Захлестнут воспоминания
О поющих соловьях.

ПИСЬМО

Вот и осень, Анна Леонидовна,
Встала предо мною во весь рост.
Пишете — довольна я планидою? —
Ваш вопрос, действительно, не прост.
У меня судьба — сыскать такую! —
Цвеств велю до срока клеверам
И гореть рассветам... Я тоскую
По дорогам нашим и дворам...
У меня война не прекращается
С рифмами и кочками в пути...
Под осенними дождями частыми
Скоро лес уральский облетит.
И у нас, в Надежде, знаю, тоже
Осень куролесит по логам,
Привалился тусклый день-прохожий
К потемневшим низеньким стогам.
Я приеду к ягодному лету
С колосом и запахами роз...
Хорошо, что молодой директор
По-хозяйски взялся за совхоз,
Хорошо, что сельские девчата
Замуж все торопятся идти...
Под осенними дождями частыми
Скоро лес уральский облетит...
Вы пишете, Анна Леонидовна!
Пусть свистит о чем-то свиристель.
Я с какою ни на есть планидою
Жду из края отчего вестей.

* * *

Соседка наша без детей жила,
Весною приносила нам рассаду
И спрашивала, как у нас дела,
И чего-нибудь ли нам еще не надо.
Соседка та догадливой была —
Она несла нам молока махотку,
И часто в гости нас к себе звала,
И в гости к ней ходили мы охотно...
Казалось, у нее-то, у одной,
Всего, всего хватало в доме вроде.
И медвежонок старый заводной
Плясал под балалайку на комодке.
Теперь я понимаю, почему
Соседка к нам частенько заходила
И удивлялась росту моему,

И всякий раз мне что-нибудь дарила...
Ведь ничего не нужно ей, одной!
Прожившей возле огонька чужого...
И медвежонок старый заводной
В моей дороге кажется тяжелым.

СТОРОЖ

Ночь на стане. Тихо.
Тут немало лет
Охраняет Тихон
И простор, и хлеб.
Воду пьет из бочки,
Свежую почти...
Завтра снова дочка
Привезет харчи.
Обошел все Тихон:
— Ночь-то — благодать!
И не знал — до лиха
Уж рукой подать.
Входит он сторожко
В хату — в сердце боль,
Лавку у окошка
Застелил собой...
За минутной дремой
Вздрыгнул — и во двор!
Пот на лбу ядреный —
Неужели вор?!
Навалились трое.
За пинком — удар...
Как на поле боя —
Крепок, хоть и стар!
Молча длится схватка:
Что же это, что ж!
Кто-то под лопатку
Сунул острый нож...
Как звезда ни гасла —
Он не замечал,
Улыбался красным,
Давним кумачам.

КАРТОШКА

Приутихнул на краю села
Двор со старой каменной оградой.
А картошка снова расцвела
В день, когда ей расцвести и надо.
Огород все тот же. Десять душ
Прокормить ему ль не удавалось?!
В этот год у нас такая сушь —
Приезжают дети, поливают,
Полют и окучивают в срок,
Распивают с батькой поллитровку,
Мать несет огурчики, что впрок

Насолила с прежнею сноровкой.
— Ну на что такой вам огород? —
Скажет сын и расстегнет рубашку.
А отец: — Хочу, наоборот,
Прихватить землицы я при вспашке,
Чтоб работы вам хватало всем...
Урожаем тоже не обижу, —
А иначе я тогда совсем
Вас в селе с внучками не увижу!
И потом уж очень я люблю,
Как она, картошка, всходит в мае...
То дождя, то солнышка молю
У кого — теперь и сам не знаю.

* * *

Вошла однажды я в хлеба,
Хлеба высокие качались,
А годы мчались, годы мчались —
И улыбалась мне судьба.
Вошла однажды я в хлеба,
Где пел о жизни колос каждый...
Еще вернусь я не однажды,
Еще вернусь, вернусь сюда!

* * *

Хлеба сегодня снова удались.
Румяный каравай на стол поставив,
Мне улыбнется женщина простая...
Хлеба сегодня снова удались.
Кубань, Кубань, твоя волна играет
Передо мной... И время не стирает
Перепелов высокий сочный звук...
Я выпускаю облака из рук —
Пускай кружится золотая стая...
Я выпускаю облака из рук.

* * *

У нас за стенкой куст сирени
Растет в соседстве с бузиной,
И не смолкают в них свирели
Разноголосые зимой.
Прошу я ветер дуть потише,
Умерить ветреную прыть,
Хочу я снять с себя пальтишко —
И эти два куста укрыть...
Цветут с весной во всем согласны!
Цветут, как юности привет.
И греют душу мне напрасно —
От прожитых я зябну лет.

* * *

Порассядутся брательники,

Со стола не сводят глаз...
— Вот коровка-то отелится, —
Будет жизнь и у нас! —
Скажет мать и пуще прежнего
Чугунками загремит...
В тесто отруби подмешаны —
Словно жмых оно на вид.
Все же наши зубы острые
Тот пирог прикончат враз...
Мать вздохнет и скажет:
«Господи! Будет жизнь и у нас!»
Стол клеенкою застеленный.
Сиротливый поставец.
Поразъехались брательники,
Подзажились наконец!
Мать расчешет прядь кудельную,
И с собою говоря,
На завалинке неделями
Поджидает почтаря.

* * *

Рубят братья дрова для мамы.
Тяжки уханья топора!
Клену старому было мало
Той пилы, что пела вчера...
Клену старому больше ветер
Не нашепчет весенних нег,
Не закутает больше ветви
Шубой нежною первый снег.
Рубят братья дрова для мамы.
Будет маме тепло в мороз!
А под кленом она, бывало,
Целовалась до зорних рос.
А под ним ведь она качала
Братьев всех, а потом — меня...
Зябко вздрагивать ей плечами
От такого большого огня!
Рубят братья дрова, и хата
Сиротеет среди двора...
И бегу я, бегу куда-то,
Чтоб не слышать стук топора.

ДОМА

Проснусь — и сердце встрепенется,
И занавеска на окне
Рассветной радостью метнется
Лицо погладить мягко мне.
Протянет влажный куст сирени
Утра нетронутую свежесть...
С годами я люблю сильнее
Земли распахнутую нежность.
Люблю бездумно, беспечально,

Своим годам счет позабыв,
Тревожить быстрыми ночами
С тобою майские сады.
...И приезжать сюда обратно
К границе песен и рассветов.
И, уезжая, вдруг заплакать,
И знать уже —
Приеду летом.

СИБИРЬ

Я впервые в Сибири.
Полюбила Сибирь —
Над зеленою ширью
Неба синюю ширь.
И оранжево-красные
В ноябре перелески.
Полюбила негласно
Лены сонные всплески.
Только снова и снова
Слышу я издали
Шепот ветра родного,
Полный упрека.
«Неужели так скоро
Ты забыла — ответь мне,
Наши синие горы
И орлиные степи!
Позабыла, как летом,
Умываясь росой,
Ты сплетала рассветы
Со своею косою...»
Я люблю тебя так же,
Ты мне снишься — не скрою.
Только как же мне, как же
С красотою другою...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Густо пахнет корой,
Дымком и горячим хлебом.
Я по деревне домой
Иду за подводой следом.
Дыханьем горячим и добрым
Меня обдала корова,
И молча стою я долго,
Стою у родного порога.
И машут мне ветки приветно,
И следом течет повилика,
И та же тропа неприметная,
И где-то гармошка
Пиликает.
Не заметили вихри лет
Детство —
Розовое венчанье...

ПОЙДУ ПОГЛЯЖУ...

Пойду погляжу на фиалки, что видела в детстве
На дальних холмах, опрокинутых в омуты света...
Мелодия странствий, во мне ты не можешь не
петься

Пойду погляжу на фиалки далекого лета.
Играет гармонь — ну откуда ей, господи, взяться!
Как пахнут фиалки!
Весь мир в их тревожном убранстве.
И снова на миг мне становится зябко и сладко —
На дудочке ветер играет мелодию странствий.

* * *

Не дари мне колец.
Ни колец, ни перстней не дари!
Гнул подкову отец,
Мать — в степи
От зари до зари...
На реке, на ветру
И прабабка белила холсты.
Не до клавиш и струн —
Пусть поют перепелки,
клевсты!
И больших моих рук
Не украсит сапфир и топаз...
Но захочется вдруг
Твой подарок примерить
Хоть раз.

* * *

Белолесье.
Чернолесье.
Изумрудная тайга,..
У России много песен,
Сколько ж можно их слагать?!
Не слагай, коль неохота!
Дали, доли, облака...
Песня — это не работа,
А широкая река.
И не течь ей не прикажешь,
Хоть приказывай сто раз!
Потому в деревне каждой
Реки водятся у нас...

* * *

Упали прохладные росы.
Народу — пробиться нельзя...
Уходит братишка в матросы,
Танцуют чечетку друзья.
По кругу, вприсядку, с присвистом
Идет то один, то другой...
Откинется чуб гармониста:

— Ах, парни!
Да парни огонь...
И сельские наши девчата
Отбросят вдруг робость свою.
И охает полук дощатый,
И стекла нестройно поют.
И только одна незадача —
Хоть сыну и не воевать, —
Сидит на крылечке и плачет
Когда-то веселая мать.

* * *

Пусть в жизни разбираюсь я не очень,
Но надо жизни должное отдать,
Что мне добра желая, словно мать,
Сперва взяла меня разнорабочей.
Я руки отмываю жесткой щеткой,
К вечерней школе с книжками бегу —
Там у физички подремать могу,
Ладонью подперев тугую щеку...
А завтра снова ящики и бочки,
И гвоздодер, скользнувший горячо...
Доныне подставляет мне плечо
Девчонка, что была разнорабочей.

* * *

Моя сестра, забыв минутам счет,
Порой домой являлась с петухами.
И мамой тут же поминался черт —
Как будто чем-то мог помочь он маме.
А у сестры с опущенных ресниц
Слеза была готова уж сорваться.
В глазах же бились отблески зарниц,
И губы продолжали улыбаться...
Хозяйство у сестры и детвора.
О, если б можно было знать заранее,
Что очень скоро к ней придет пора
Вставать, а не ложиться с петухами!
Все доводить ей надо до ума —
Бежать в сельпо, полоть прохладу грядок...
Сестра моя не знает и сама —
Зачем ей тот убийственный порядок?!
Когда остались зори в стороне,
И месяц в омут полетел подковой...
Ворчит она на дочь свою — и мне
До мелочей все это уж знакомо.

* * *

Сестре Маше

А в нашей хате жарко-жарко.
В нее ввалиться из пурги —
Нет неожиданной подарка.

«Сестре раздеться помоги!» —
Мне скажет мама, разжимая
В затекших пальцах пару спиц...
И наша хата оживает,
Как сад с нашествием синиц!
Сестра идет, к столу садится —
Оттаял голос и окреп...
Я знаю, как она гордится,
Что зарабатывает хлеб.
Ей — и носочки из поярков,
И магазинное пальто...
Моя сестра давно в доярках,
А я пока еще никто.

* * *

О чем это звезда затосковала,
Устав светло над мирозданьем плыть?
Быть лишь звездой, наверное, ей мало,
Как мало мне — лишь женщиною быть.
Вбираю запах отогретой почвы
В обветренной родимой стороне,
Стремительного метеора росчерк
Имеет продолжение во мне.
Навстречу дню цветы глаза раскроют.
О, сколько дрогнет в этот миг сердец!
У красных роз, у красной нашей крови
Одно начало и один конец.
И хочется в поток единый слиться
С большою бесшабашною рекой,
И в каждой камышинке поселиться,
Незащищенной,
Временной такой!
О чем это звезда затосковала?

* * *

Я местную анестезию
Тогда наркозу предпочла —
Мне сто минут бедой грозили,
И боль саднящая росла.
Сестричка что-то говорила,
А мне б на миг забыться сном!
И молодой зеленой гривой
Плескался тополь под окном.
И вновь на миг-другой зажмурясь
И вся напрягшись, — лишь одно
Я знала, что еще живу я,
Раз есть и тополь, и окно.

* * *

Зачем некрасивой нарядное платье?
Но платье ей надо купить...
Потом некрасивая в платье том плачет —

Зачем ей пришлось полюбить?
Как холодно ей в этом сумрачном мире!
На месте надежды — зола...
Уснет перед утром, но прежде в квартире
Она перебьет зеркала.

* * *

Я в городах почти не вижу звезд, —
Куда они деваются — не знаю...
Наверно, кто-то их в мешке унес,
Чтоб по степи ходить вольготней маю,
И августу, и сентябрю — они
Нужны в просторных вотчинах сайгаков,
А в городах по улицам — огни,
И горожанам их хватает с гаком.
А мне припомнится дворовый пес,
Пчелиный рой, косая птичья стая...
Я в городах почти не вижу звезд,
И мне всю жизнь их очень не хватает.

* * *

Ушел февраль с разгульною пургой.
Теперь у ветерка настрой другой,
И у скворешен птиц слышнее торг —
Другие звуки день весны исторг.
И у меня в душе переворот —
Водой холодной не пугает брод,
В глазах тревог редеют облака,
Опять лучей натянуты поводья...
Светлеют думы сердца — так века
Светлели реки после половодья.

АКТРИСЕ

Л. Суворкиной

Уйти ль от собственной ей сути?
Детей рожать — наш долг святой...
Но героинь любимых судьбы
За близкой рампой золотой.
И скажет няня ей, желанница:
— Опять ты роль зубришь чуть свет!
В актрисе мать не уживается,
А в матери — актрисы нет.
В пеленках сын надрывно плачет,
А мать — к Ромео в первый акт,
И к ней ручонки тянет мальчик,
Не успокоится никак.
Но гаснет свет.
Любовь загублена.
Раздвинут мир в глубины лет...
И над Джульеттой плачет публика —
До матери ей дела нет.

* * *

Палешане, палешане!
Все цвета перемешали,
Вывели веселый цвет —
Огнецвет.
Лес весь перетормошили —
Отыскать цветок решили,
Из затеи вышел толк —
Вот цветок!
Ходят травы-благовесты,
Сарафанные невесты,
И повсюду этот цвет —
Огнецвет!

ЖУРАВЛЬ

Н. С. Качинскому

Журавль прибился ко двору,
Изранив крылья в перелете.
Он не пугался детских рук,
Что клали мазь касаньем легким.
И длинный, словно каланча,
Журавль ступал на луг и грядки...
Любил мальчишка изучать
Жильца нежданного повадки.
Он с упоеньем рисовал —
И мог успехами гордиться, —
Изгиб крыла, спины овал —
Позировать умела птица.
Похолодало во дворе.
Как горек август уходящий!
И крылья полоща в заре,
Глядел журавль на небо чаще.
Еще зов стаи был далек,
Но крыльев плеск дошел сквозь дрему,
Журавль рванулся, грудью лег
На ветер утренний ядреный...
И оттого ль, что тосковал
Тот мальчик по небесной птице,
Он в час осенний рисовал
Изгиб крыла, груди овал
И крыши золотой станицы.

* * *

Протяжны и тоскливы
Напевы моей бабки.
Была она счастливой
Недолго и украдкой.
Тогда смеялась ива,
Та, что звалась плакучей,
И золотилась нива,
И мимо плыли тучи.
Казак — гроза округи —

Тут хан похоронен, - — бытует преданье.
Не ветер с вершины — что ханша тут просит...
Но что мне до них? Я иду на свиданье,
На первое в жизни... танцуют колосья.
Потом на пути моем встанет обида,
Суровой петлей захлестнувшая горло...
Я выкрою в сердце улыбку для вида,
Скажу: «Относительно в мире и горе!»
Куда ни подамся — дороги, дороги,
И воспоминания кружат, как стаи...
И ровную степь, и крутые отроги
Февральский снежок не спеша замечает.

* * *

Сегодня всю ночь ковыли пред глазами стояли
Холмы поднимались, плескалась река у излук...
Меня ль ты не кличешь сквозь осень упавшую —,
я ли
Сама выпускаю поводья из дрогнувших рук?
Есть край на земле, где с тобой мы не будем ни разу.
Там птичьи базары, лиловые пади гречих...
Достанет мне грусти о дальних рассветах моих! —
Достало б простору орлиному острому глазу...
Сегодня всю ночь мне мерещились грядки и розы.
Дворы со скирдами и с лаем лохматых собак...
Меня ты не кличешь, иль это от первых морозов,
Уральских морозов, в себя не приду я никак?

* * *

Если б меня ты позвал хоть однажды,
Многих знакомых забыв имена,
Я бы услышала, если бы даже
Нас разделяла глухая стена.
Если б я только могла тебя помнить
В этом нелегком, неблизком пути!
Только любимые, слышишь, на помощь
Из неизвестности могут прийти...

* * *

Синеглазые мужчины!
Как девчонка хохочу...
Забываю про морщины
И понравиться хочу.
Неужели мне не хватит, —
Хватит, честно говоря! —
Этой синевы на платье,
На озера и моря.
Жить на свете есть причина —
Ходит следом пара глаз...
Синеглазые мужчины,
Небо держится на вас!

* * *

Снова себя выкрадешь
У своей жены,
Имя мое выкликнешь
Ты из тишины...
Золотые донники
Будто бы в огне...
Где-то плачет тоненько
Птица обо мне.
И не спит соперница,
Сводная сестра,
И качает первенца,
Плача до утра...
Обожжет крапивою
Губы невзначай...
Если б не любила я,
Не ждала бы, чай!
Только мне не надобно
Краденых ночей,
Тихо звезды падают,
Ухожу...
Зачем?

* * *

Я хочу с тобой расстаться —
Губы вновь творят молитву,
Чтобы в памяти остаться
Только месяцем и липой,
И озерною дорожкой
С шелестящею осокой,
И калиткой, и окошком,
Что засветится высоко...
Я уйду, как в воду кану, —
Ни следа и — ни известий,
Чтоб являться из тумана
Там, где мы бывали вместе.

* * *

Накануне осени,
На исходе дня,
Я веду по просеке
Карего коня.
Не обмолвлюсь мукою
И не выдам глаз,
Примирюсь с разлукою
И на этот раз.
Напою я карего,
Что не ведал седл,
Стану разговаривать
С ним от том о сем...
— Как судьба решается!
Ох, ты, боже мой...

Когда ты мне скажешь: «Здравствуй!»
С улыбкою откровенной.
И стану любовь я прятать,
Казаться такой беспечной,
И стану любовь я прятать —
Как будто она — навечно...

* * *

Покажется месяц двурогий,
Мой шаг потечет неспешен,
А вдоль грунтовой дороги,
Как вздох, деревца черешен,
Цветущих моих черешен...
Закружатся звезды в танце,
Когда я тебя замечу,
И на ухо мне: «Останься!» —
Шепнет уходящий вечер,
Далекий весенний вечер.
Вдали серпантин тропинки
И чей-то вздох безутешен...
Осенние паутинки
Плывут к деревцам черешен,
Цветущих моих черешен.

* * *

...А над озером ходят кони,
Жарко дышат в мои ладони,
Стелют кони по ветру гривы,
А осока острее бритвы.
Где-то выпь в камышах застонет —
Сердце первым морозцем тронет,
И под кручей вода плеснется,
Будто чья-то рука коснется.
Глянет солнце — трава по пояс,
И умчит меня скорый поезд...
Только время остановилось —
Это ж надо — такая милость!

* * *

Как легко ты ушел!
Как ты быстро сбежал по ступеням!
Как ты выстудил сразу
Мое небольшое жильё...
И надвинулось небо,
Кудлатыми тучами пенясь,
И в акациях сразу
Не стало слышать соловьев.
Я тебя прогнала,
Не за то, что тебя не
Любила!
Но казалось мне часто,
Что мало меня ты любил...

Как нас мучит порою
Незрячая гордая сила!
Ты сбежал по ступеням,
Рукой не касаясь перил.
Улыбнись.
Некрасивою станет улыбка.
Ты теперь от меня,
Как и я от тебя, далеко!
Но с тех пор
Все мне кажется временным, зыбким...
Как легко ты ушел!
Но откуда мне знать, что легко?

* * *

Немного я слышала ласковых слов от тебя.
И сам ты до них был, кажись, не особо охочим..!
Но бог с нею, с ласкою! Я тебе тут не судья —
У нас уже бегают сын и агукает дочка.
Пусть кто-то другой неотступно мне снится во сне,
Не знающий возраста, хляби житейской и страха!
Пусть дарит он мне то улыбку, то спелый ранет,
То жаркую грудь под намокшей от ливня рубахой.
Припомню я, как мне наивно мечталось давно,
Как глянул однажды ты мимо меня виновато...
И бог с ней, с мечтою! С годами одно лишь вино
Терять не умеет ни крепости, ни аромата.

* * *

Это сон или стон?
Или чья-то забытая песнь?
В путь с тобой хоть сейчас,
Не печалься о холоде, тряске...
Хорошо на земле!
Хорошо потому, что ты есть...
Заколдованный лес
Простирает навстречу мне краски!
Пусть за мной сто забот,
Сто печалей бегут вдалеке —
Я от них по ту сторону дня,
По ту сторону ночи...
А в глазах только ты,
Только ветка рябины в руке.
Да последний цветок впереди
Мне отраду пророчит...
На вершине холма
Сяду я на замшелый пенек.
Пусто в небе. Ужель
Птицы все улетели?
Хорошо на земле!
Но как жаль, что мы этот денек,
Золотой листопад
На двоих никогда не разделим.

* * *

Люди черствеют с годами,
Устав на пиру
Звуков и красок,
В печали таких неуместных...
Лето сгорает,
Несу я навстречу костру
Детство и юность, и слово
Бескрайнее в песне.
Только большая любовь
И в костре не горит,
Кружит она надо мной,
Как подбитая птица...
Люди черствеют с годами,
Но мать говорит,
Что полегчает,
Коль с ними бедой поделиться.

* * *

Никто из нас не думает про смерть —
Настолько смерть, видать, невероятна.
Но хоть на миг в приход ее поверь! —
И станет все нам дорого и свято:
Собачий лай, скворешня на шесте,
Трамвай последний с пареньком влюбленным,
Сорока с доброй вестью на хвосте
И самолет с погодой нелетной...
Все в мире сразу станет на места,
Исполнено великого значенья,
И хоть в едином случае из ста
Успеет кто-то попросить прощенья
У тех, кого обидел сгоряча,
Кого забыл в своей родной сторонке...
И каблуки на зорьке застучат
Не так, как прежде, —
Весело и звонко.

ДВЕ ПАРЫ ВЕСЕЛ

Т. Пономаревой

Не вянут зори вдалеке,
Не вянут зори...
Следов узоры на песке
Смывает море.
Годам же с памятью моей
Никак не сладить,
Как не разгладить меж бровей
Суровых складок.
Один декабрь виновен в том,
Что выпал иней...
И не вернуть нам речку Томь
С утесом Синим.

Меня, как лист... Ты вслед гляди...
У нас с тобою впереди
Одни разлуки и печали.
Но вдалеке мне не ужиться.
И стану я тому виной,
Что чуб твой, льющийся волной,
Засыплет нежная пушица.

* * *

Травой навек останется трава.
Но все же я, как прежде, жду от жизни,
Чтоб снова закружилась голова
От новых тайн,
Что повезет мне вызнать.
Вдохну я с болью тихий дух крушин,
И солнце надо мною ярче брызнет...
И вдруг пойму,
Что собственной души
Мне не понять —
Живи я хоть две жизни!

* * *

Во мне только зов света,
Во мне только вой ветра,
Во мне миллион улыбок,
Улыбок твоих и моих...
И кто же сказал это,
Что песня уже спета —
Неправда!
Та песня вечна,
Когда она на двоих.
Осенних коней топот
И вязь золотых тропок,
И близок закат,
Ближе,
Чем щедрость любимых глаз...
И рвутся лучей стропы,
И вечер глядит робко.
Разве вспугнуть боится
И опечалить нас?
Мы знаем — тепло к лету,
Гроза — это дождь где-то,
Мы знаем — года к сединам,
И не забыть нам о них...
Но кто же сказал это,
Что песня уже спета!
Неправда!
Та песня вечна,
Когда она на двоих.

ЗОРЬКА

Чтобы в небе жаворонки

Чисто заливались,
Ты ко мне пожалуй,
Зорька зоревая.
Приходи, пречистая,
Соловьиным свистом,
На лугу лучится
Синее монисто.
Приходи овражками,
Загреми подойником,
Распустись ромашкою,
Лютиком и донником.
В чаше малахитовой
Голубой настой.
Пей его ракитовым
Голубым кустом...

ТЫ

Ты — моя боль и мое вдохновение
И заботы мои, и печали.
Своим первым стихотворением
Я тебя повстречала.
Ты — моя очень трудная
Недостающая рифма,
Ветерок мой попутный
И коварные рифы.
И полотнища красные,
И узорные маковки.
Мы с тобой очень разные
И совсем одинаковые.
Без тебя, неумный,
Грустно птицам в садах.
Я всегда тебя помню,
Постигаю всегда.

МАЙ

Очень тихо, очень тайно
В сердце теплый май приходит,
Заставляет, заставляет
Пьяно чувства хороводить.
И шепта... Шептаться с ветром,
И куда-то с ветром мчаться,
И, припав к цветущей ветке,
Грустно с вьюгою прощаться.
Вечера встречать, кручинясь,
И смеяться без причины
Что-то тайное заставит...
Что-то будет, что-то станет...

НЕ УСТАНУ...

Я юностью своей не дорожу,
Пусть зрелость у меня в душе хлопчет.
Я ей на плечи руки положу

И назову, как принято, по отчеству.
И на виски зима, смеясь, уронит
Холодную, заснеженную прядь —
Она тепла привычного не тронет,
Ей звездного цветенья не отнять.
Пусть стелется передо мной простынный,
Больничной белизны студены свет.
Я к сумеркам вовеки не остыну,
Не разлюблю кипенье трав вовек.
Я не устану никогда смеяться
И плакать никогда не разучусь.
Мне травы сонные ночами снятся,
Припавшие к прохладному ручью.
Приди же, зрелость, поскорей ко мне
Задумчивой, степенной грустью —
Чем больше под землей корней,
Тем дерево раскидистей и гуще.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Мать-и-мачеха, слышь-ка, стукнем в ладошки!
Цвет твой желтый такая чудная брошка...
Ни пред кем за собою не помню вины я —
Так зачем же ладошки твои ледяные?
Мать-и-мачеха лист повернула мгновенно,
И тепло заструилось по дрогнувшим венам,
И ладошек моих она тихо коснулась —
Материнская нежность в ней, видно, проснулась...
Мать-и-мачеха стала судьбой мне в дороге:
То долина в цветах, то крутые отроги...
То участие, то пропасти снова встречаю...
Мать-и-мачеха — радость моя и печали.

НАД ОБЕЛИСКОМ ЗРЕЕТ АЛЫЧА.
КРОВАВЫ КАПЛИ ЗОРНЕЮ
ПОРОЮ...
О ЧЕМ ОНИ, О ЧЕМ ОНИ МОЛЧАТ
В МОГИЛАХ, БЕЗЫМЯННЫЕ
ГЕРОИ?
НО МЫ ИХ ВСЕХ ЗОВЕМ
ПО ИМЕНАМ,
ЗОВЕМ НЕ ДОЗОВЕМСЯ
И ПОНЬИНЕ...
И ПЕСНИ ИХ ДОНОСИТ ВЕТЕР
К НАМ —
ЛЕДОВЫЙ ЗАПАХ
ГОРЕЧЬЮ ПОЛЫНИ.

* * *

В. Зиборову, Герою Советского Союза

Горки яблос. Ходит спас.
Пчелы — роем...
Здесь мальчишка стадо пас

Под горою.
И гонял он голубей
В небе синем,
Прыгал с кручи: «Не робей,
Василий!»
Миновал военный год.
Второй — следом...
«Фокке-вульфы» бьет пилот
В черном небе.
За степной свой край и дом
Под горою —
Сбил десяток, а потом
Счет удвоил.
Вновь в тюльпанах склоны гор,
Май ликует,
А земляк мой до сих пор
Атакует,
И горящий самолет
Покидает...
Хоть вокруг земля поет
Молодая.

БАЛЛАДА О КРЫНКЕ

Дождь купает крынку, жарит зной.
Мама полет, мама нянчится со мной,
Наливает мне из крынки молока...
— Отчего, скажи, дрожит твоя рука?
Мама всхлипнет и с трудом проглотит ком,
И наклонится пониже над столом...
Перестанут братья жесткий жмых жевать —
А отцу еще два года воевать!

* * *

Есть у меня знакомая дорога.
Иду. Хлопочут новые скворцы...
По ней, порой крутой, порой — пологой
Шли на войну и братья, и отцы.
Стоял июнь. Пшеница колосилась,
Увижу это — лишь вокруг взгляну! —
А бабы голосили, голосили,
И слышно было их на всю страну.
Когда слетят с гледичий и тутовников
Все птицы, упадет последний лист —
Высокий куст пурпурного шиповника —
У той дороги, — словно обелиск.
Куда бы мой ни направлялся путь —
С дороги той вовек мне не свернуть.

* * *

Повыбита орловская земля,
Рязанская земля железным градом.
И все опять нам начинать с нуля,

С нуля все начинать опять нам надо!
Обглодан у дороги ржавый скирд
Соломы прошлогодней, клячидохнут...
Разлил Митяй из фляжки бабам спирт —
Пьет за Победу в тишине — оглох он.
Командует он бабами. Притом
И ладит плуг, и ловко чинит крыши...
Никто из баб не ведаёт о том,
Каким же образом Митяй их слышит!
Когда же затраветь готов был луг,
Он, жалостью боясь кого обидеть,
Созвал всех баб и первый впрягся в плуг,
И жилы рвал, от слез тех баб не видя.,,
Повыбита орловская земля,
Рязанская земля железным градом,
И все опять нам начинать с нуля,
С нуля нам начинать опять все надо!

ВETERAN

Отчего он снова приумолк,
Закурил и вышел за ворота?
Видно, вспомнил боевой свой полк,
От которого
Осталась рота...
Он не ведал, что такое страх.
Сгорбился. Глядит на сына снизу...
Во дворе играет внук,
В руках
У него отстрелянные гильзы.

ПЕТРОВИЧ

Девятое Мая
Встречает планета,
Петрович, хромая,
Идет к сельсовету.
Зацепит он кочку
Ногой деревянной —
Планета качнется
С рекой и поляной...
И — капельки пота,
И — клевера запах,
И снова идет он,
Как шел он на Запад.
Он снова у края
Разбитой траншеи...
А солнце играет
На Волге и Шпрее,
На здании новом,
На орденской планке —
И нет громового
Шепота: «Танки!»
А после парада

С гармошкой-отрадой
Петрович сидит
У колхозного сада.
На деньги, что выдал
Ему сельсовет,
Он вдовам купил
И вина, и конфет.
И вдовы притихли
И скинули шали,
Забывтой улыбкой
Себя воскрешая.

* * *

Не упомянуть всех знакомых —
Миновало столько лет!
Но узнала вас, Пахомыч,
Дорогой вы мой сосед!
И, поверьте, вашу руку
Мне пожать большая честь...
Я слыхала — у вас внуков
Штук пятнадцать уже есть?
Мы стоим на огороде,
На окошенной меже,
Он смеется: — Пишут вроде
Есть шашнадцатый уже...
Ждет Пахомыч их по году.
— Как здоровье?
— Ничего!
Но я знаю, в непогоду
Ноют раны у него.
Бил он немца и японца
И вмерзал в разведке в лед...
— Дед, обедать! — из оконца
Евдокимовна зовет.
О траву обтер он руки:
— Не отстанет все равно!
И пошел.
Своей старухе
Не перечит он давно.

* * *

Он не был горек, этот хлеб войны,
Что был и с лебедою, и с половиной.
Твоей, Отчизна, не было вины,
Что не хватало хлеба нам и крова,
Что о гостинцах не могли мечтать —
Их не было тогда на свете белом...
Я помню до сих пор еще, как мать,
Увидев почтальона, каменела.
Выкладываю булочки на стол,
С изюмом и посыпанные маком,
Их запахом наполнится весь дом.

Но помню с лебедою хлеб, однако.

* * *

И вот упала наша хата
Под тяжестью суровых лет.
Лежит по бревнышку разъята,
И в битых стеклах бьется свет.
И на стене открылась рана —
Давнишнего снаряда след!
Тогда вот выжила, подранок,
Теперь держаться силы нет.
Тут мать с отцом несли закаты
Навстречу зимам и летам...
И вот упала навзничь хата,
Как руки,
Доски разметав.

* * *

С войны отец принес гостинец нам —
С махрою сахару кусок.
Успев лизнуть его разок,
Мой старший брат рукой несильною
Никак разбить его не мог.
Мы по столу глазами шарили,
Глазами, полными тоски...
Тогда отец щипцами ржавыми
Литую грудку взял в тиски,
И раскололась, хрустнув жалобно,
Она на мелкие куски.
О, память, память, грудка сахару!
И нечего ни есть, ни пить....
Жила страна другими страхами —
Удастся ли врага разбить?!
И наши матери не ахали,
Что нечем детство подсластить.

* * *

Шла война и убивала,
Убивала каждый день,
И пока не убывала —
Прибывала в лицах тень.
Злою вестью, волей вражьей
Среди поля, у избы...
Убивала там, где даже
И не слышали стрельбы.
Слово жуткое «сирена»
Я узнала не из книг —
Мать, схватив меня, серела
И бежала в этот миг.
Я худой своей ручонкой
Вокруг шеи обовьюсь...
До сих пор за ту девчонку

И за мать ее боюсь.

* * *

У моего отца теперь всегда
На деревянных крашенных воротах
Костром горит железная звезда...
И расцветает мирный луг напротив.
А солнце снова сеется в поля,
Летит в рассвет прожектор пятилучья...
Ты не забудь, как отчая земля
Вдруг очутилась в горе неминуем.
И как отец, над люлькой помолчав,
Ушел навстречу ураганным битвам...
Гощу всегда я у односельчан,
На чьих калитках
Звездочка прибита.

* * *

Говорят мне: «Пиши ты о мире! —
Ведь в глаза не видала войны!»
Нарывается трактор на мины —
Слышу стоны среди тишины.
Говорят мне: «Пиши о закатах,
Ковыленое поле стели...»
А сосед не выходит из хаты —
Надоели ему костыли...
Говорят: «Будь в деталях точнее...»
Но какие ж детали, когда
Одногодок в снегу коченеет
И в руинах лежат города?!

* * *

Ушли в пожары, в бомбовый вой,
В пороховой дым...
А в сорок пятом Она Его
Видит совсем седым.
Куда-то кренился лазарет,
Кровью пенится шприц...
Черным дымом завесил свет
С черной душою фриц.
Вернулся наутро из небытия,
Минуя суток провал...
Кричала глазами: «Это же я!»
А Он Ее
Не узнавал.

БЕЖЕНКА

Наш дом — печальней с каждым днем:
Ни детских игр, ни смеха — в нем...
Отец не шлет вестей с войны.
И мать, лицом окаменев,
Поставит в печку чугуны —

И — в поле.
Слез ее посев,
Как повилика и осот,
По просу и пшенице всей
Поныне всходит каждый год!
А в поле — бабы, старики,
Да председатель без руки...
Тот глух, а тот давно незряч,
Коров пяток да пара кляч...
Хозяйство все разорено.
О, поле, где твое зерно?
Где сено, синие луга?
Народ уходит от врага.
Куда?!
К Донцу или к Ельцу? —
Кто мог в ту пору дать ответ!
И — слезы, слезы по лицу —
И все равно ответа нет.
Идем туда,
Идем сюда —
Везде разруха и беда,
Везде бессонница,
Бескормица...
В когтистых лапах
Бьется горлица.
И под Донцом, и под Ельцом
Земля изранена свинцом.

АГРИППИНА

— А вдруг приживется рябина!
Лозинку везет Агриппина
Из дальней-предальной Сибири
Чтоб тут ее тоже любили.
— Листочки пустила рябина! —
Соседке кричит Агриппина, —
Воды отнесу ей ведерко...
Рябина смеется с пригорка.
Навесила красные бусы:
— Иди, Агриппина, любуйся!
И радость свою и обиду
Неси под рябину...
Обид Агриппина не помнит,
А муж от ранения помер,
Скосила хвороба двух деток —
В ларьке ей не нужно конфеток!
Укроют потемки рябину,
Вздыхает в избе Агриппина...
Глаза ей соседи закрыли,
На кладбище с краю зарыли,
У ног посадили рябину —
Пускай веселит Агриппину.

ЧЕРЕПИЦА

— Придержи коня, возница!
И постой тут на бугре!
Крыл я крыши черепицей —
Поглядеть на них не грех.
Вот парят они, как птицы.
Сколько раз там, на войне,
За укладку черепицы
Принимался я во сне!
Становилась новой хата.
Труд тяжелый — не тяжел...
Просыпался я солдатом,
И опять на немца шел.
Гнал я ворога за Одер,
И хоть был жесток с ним, да!
Черепичной крыши сроду
Я не тронул никогда.
А коли она хрустела
Под ногами у меня:
— Будет кровельщикам дела! —
Я шептал, войну кляня.

САМШИТ

На гордой скале зеленеет самшит,
Задетый осколком давнишним,
Сюда на свиданье девчонка спешит
С губами краснеющей вишни.
Не слышит девчонка разрывов гранат,
Под бомбами склон не крошится,
Спешит на свиданье с любимым она,
Качается травка-душица.
Картина минувших боев обожгла —
Вершина железом прошита...
И, дрогнув, ладошка девчонки легла
На рваное тело самшита.
«Ходи на свиданье, девчонка, сюда!» —
Самшит прошептал приглушенно...
Но, видно, на этой вершине всегда
Пить слезы корням обнаженным.

* * *

Крики белых лебедей
На озерах заповедных...
Для солдата дом везде
И луна — полушкой медной.
А колеса: «Стук, стук, стук...»
Грай ворон и свист синицы.
Завтра там, а нынче тут —
И опять все повторится!
Зной пустыни и метель —
Все запомнить мне сумеет бы!
Крики белых лебедей

На озерах заповедных.

* * *

Семнадцать дяде минуло едва.
Теперь его я старше буду вдвое...
Поля войны багряная листва
Прикрыла, словно знамя боевое.
И в тишине, как выстрел, чей-то вздох,
И сдвинутые брови пионеров,
И у подножья обелиска мох —
Живые и печальные шпалеры.

* * *

Мужья получают назначенье
В какой-то дальний гарнизон,
И свет обуглится вечерний,
Ударит в легкие озон.
И мы опять сорвемся с места
Под крики галок и грачей...
Куда поедем — неизвестно,
Известно только лишь — зачем!
От той известности нам легче
Себя с друзьями разлучать,
И новый день, и новый вечер
У новых окон привечать.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Даль дымилась, пыль клубилась
Притомилась рота.
Среди ив остановилась:
— Отдыхай, пехота!
— Что трудненько-то на марше
— Есть, сержант, немного...
— Запевай-ка песню, старший!
Эх, подпой, дорога!
Мимо клена, мимо дуба
Промелькнул проселок...
— Кто же песню ту придумал?
— Кто-то развеселый!
День прошел, другой и сотый —
Службы срок известен...
И в запас ушла вся рота,
Не простившись с песней.
Эх, песня, песня,
Солдатская подруга!
Что с нею вместе —
Зной или вьюга!

* * *

Надо мной проносили
Синий плач журавли,
Я видала Россию

От России вдали.
Выйду в стынь гололедец —
Свет ударит льняной,
И Россия, как лебедь,
Поплывет предо мной.
Даль родная! Покосы!
Родниковая грусть...
О тебя, как о посох,
В горький час обопрусь.

ЧУЖОЕ СЛОВО

Пять лет от Родины вдали!
Крутые ветры в стылой рани...
Пять лет язык чужой земли
Мне непривычно слух тиранил.
И, помню, я боялась все
Сильней, чем ветерка сквозного,
Что дочь моя произнесет
Впервые там чужое слово.

Я ИДУ ПО ЗЕМЛЕ

Я иду по земле
По ветрам-проводам.
Мои чувства, поверь,
Не подвластны годам.
Мои руки — деревья,
Облака — моя грусть,
Мой песни — деревни,
Моя матушка — Русь.
Небеса голубые —
Мои светлые очи...
И за что полюбила
Этот куст у обочины!
Эти белые домики,
И по-черному бани,
И туманы над Доном,
Над зеленой Кубанью.
Ребятишек ватаги
Бегут мне навстречу —
Это завтра — в атаку,
Это молодость вечная...

РОССИЯ

Меня не будет,
Но будет небо, цветы и птицы,
И так же будут смеяться люди,
И так же будут звезды светиться.
И на листочках дрожать росинки,
Июль дремать в тайге комариной,
И так же будет моя Россия
Единственной,
Неповторимой.

Но ты, Россия, все так же будешь
Шуметь колосьями.
Россия — это сплетение судеб
В тугие, длинные дороги-косы.
Россия — это свободы вестник,
Это — все время за счастье бой.
Останусь ветром,
Останусь песней,
Моя Россия,
Навек с тобой...

ОГНЕГРАД

поэма

1

Нам к тайнам жизни
Легче прикоснуться,
Дорожки лунной
Вычислить длину,
Чем с головой
В заботы окунуться,
Заботившие юную страну!
В шинелишке
Шагнуть, согнувшись,
В пурги,
В бараки,
В слякоть —
Разве это блажь! —
Увидеть
Безымянных металлургов,
Что с детства
Трудовой считали стаж...
А если взять
и оглянуться разом!
Пойти,
Поехать
и поплыть по ней,
России,
И приветить глазом
Девчат бедовых,
Мужиков, парней,
Заколотивших
Низенькие избы
И чувства все,
Оставив лишь одно,
Высокое, —
К о л л е к т и в и з м а, —
Главнейшее
Из всех других оно!

2

Еще лесов строительных не сняли
С мартеновских и доменных печей,
Встал у горы Магнитной Коля Лялин,

Пока еще не знаменит ничем.
Так вот какая ты, Магнитка,
Сила!
Не разобрать покуда что и как —
Гудки, свистки
И тыщи ног месили
Ту улицу, где новый встал барак.
А старые уже позакоптились,
Уже обжились —
Милости прошу!
Ему ж из ночи в ночь
Станица снилась,
Где по Кубани —
Камышовый шум.
А в камышах — И селезень и утка,
Такой — поди ж ты! —
Оркестровый крик!
И по началу-то
К гудкам-побудкам
Не мог привыкнуть
Николай никак...
Но рвался сам ведь
На большую стройку,
Сам убеждал он и отца и мать,
И все ж не убедил их —
Из-под койки
Пришлось негласно
Сундучок достать.
Пришлось негласно
С сонными проститься
И попросить
Прощения с пути...
Ах, Коля Лялин, пусть тебе он снится,
Твой край родной —
Его не обойти!
Ни на какой телеге не объехать,
Не облететь на «птице-ероплан»...
В бараке ж после смены
Столько смеха
И слов серьезных
Про аврал и план,
И с ласковой грустинкой разговоров
С намеками про косы и глаза...
Дымит Магнитострой,
Всемирный город!
Брезент парится
И скрипит кирза.
Уже и к пуску домны подступали —
Далёко ли тот огневой ручей?
Опять ремень затягивает Лялин,
Пока еще не выделен ничем!
Вот разве руки!

С ними — на стихию,
А не касаться чуткого плеча...
Не потому ли Ленка с Коксохима
Хоронится как будто за девчат?
За краны-крабы и за вагонетки?
А может, тут и ни при чем она...
Такие руки первым пятилеткам
Нужны, как полю — плуг и борона.
Поскольку ей, России,
Ей, России,
Что лишь в мечтах взлетала в облака,
Еще тягаться было не под силу
Ни с Францией,
Ни с Англией пока...
Магнитостроя корпуса стояли,
Шел к батареям коксовым бетон.
И на огнеупоре Коля Лялин
Выкладывал за смену десять тонн.
Кирпич ладони жег и рукавицы,
И с ног валил...
И без конца — с чего б? —
Вода из чана продолжала питься,
Так, что нутро все колотил озноб.
Казалось, без труда ему — рекорды,
А он все силы был готов отдать
Лишь потому, что уродился гордым —
От самых первых не хотел отстать.
Комсорг приметил хватку:
— Молодчина!
С таким работать интересно, мол...
И невзначай:
— А что же за причина,
Что не вступил поныне в Комсомол?
— А я — не против, —
И залился краской, —
Да и не думал как-то...
— А раз так, — сказал комсорг, —
Готовься, Лялин, баста!
Уж больно ты работать, брат, мастак.
А в день приема —
Не фанфаров звуки, —
— Он, Комсомол, трудяга, Лялин, знай!
Ему нужны сердца и наши руки —
Ему сейчас два плана подавай...
В душе у Коли жаворонки пели,
Плескалась рядом ширь и синева.
— Неужто комсомолец, в самом деле!
Ну выйди, Лена, — грудь теснят слова.
И вышла б, может,
Если б только знала,
Какой сегодня день у парня был,
Ей Коля вслед не раз глядел, бывало,

Про все свои дела на миг забыв.
«Чудной, ну право! — думала нередко, —
Ну подошел бы! Слышит ведь, — зову...»
А где-то тут, с Магниткой по соседству,
Дождем малина падала в траву.
Там о судьбе своей она гадала,
Отвадив ухажеров от ворот...
Вновь снилось ей — скулили волкодавы,
О чем скулили? —
Кто их разберет...
Но после снов таких, под выходные,
Она летела — кочки нипочем! —
К реке Чурсинке.
Ноги сладко ныли,
Лишь упиралась в отчий сруб плечом.

3

О, этот край непуганого зверя
И вотчина демидовских лаптей!
Он, этот край, в исход хороший верил
Своих металлургических затей!
А как же в деле эдаком без веры?
Она сейчас не фунт изюма, брат!
Она, если хотите, — жизни мера:
И молоток,
И трактор,
И булат...
И потому катились мимо сосен
Лопаты,
Кайла,
Краны и канат...
А если кто сторонний адрес спросит —
— Магнитогорский, — скажут, — комбинат!
На первый план пилы — не скрипки звуки!
И тюфяков барачный неуют,
А главное — мозолистые руки,
Что, право, не работают — поют.
А главное — смекалка и отвага.
Лишь в них и можно отыскать ответ,
Как мы на деле, а не на бумаге
Металлургию взяли в десять лет!
За штурмом штурм,
За лозунгами лозунг,
С портретов мудрый ленинский прищур:
— А ну, не убоитесь ли морозов?
— Ну это ты, Ильич, уж чересчур!
А тут как раз
И дело подвернулось,
Как раз таким,
Кому сам черт не брат...
— Даешь плотину! —
Вот она, сутулость,
Бралась откуда,

Город Огнеград!
И по водохранилищу —
Разверзла
Свое нутро уральская пурга, —
Ступала сорок пятого размера
В зашитых дратвой валенках нога.
И в стеганках
Братва,
В шинелях,
В свитках, —
Пока еще крепки оковы льда, —
Вела две железобетонных нитки
С обоих берегов...
И та страда
Не солнцем — стужей
Выжигала лица
И скрючивала пальцы,
И гнала
В коптерки на минуту схорониться,
На больше-то никак нельзя — дела!
А холода все жали,
Все гуляли,
И поднимались арки во весь рост,
И даже в ночь, в мороз трескучий Лялин
Не покидал передовой свой пост
Лишь по приказу совести,
А совесть,
Она всему на свете голова!
Гроша не стоят, — искони с ней ссорясь, —
Пустые громогласные слова.
Плотина силилась подняться к солнцу в сроки,
И в ней уже прослушивался стук
Живого пульса, поначалу робкий,
Потом все явственней —
От жара стольких рук.
И вот среди знамен,
Речей и гимна
И рядом с шумом неумных волн,
Среди наград
Услышала плотина —
Свое ей имя дарит Комсомол.
«Девятый съезд ВЛКСМ!» —
И вяли
В руках вспотевших скромные цветы.
И глянул на плотину Коля Лялин:
Не ты ли воплощение мечты?!
И за своих девчат не прячься боле,
Стояла Лена у Магнит-горы
И удивлялась подступившей боли,
Дремавшей сладко в сердце до поры.
А праздник, — он порою слишком долог! —
Вновь оглушил высокой медью труб,

Качнул девчонку: «Как там мама дома?» —
«Я к ней поеду!» — соскользнуло с губ.
И праздник плыл,
Еще как будто полон
Веселья и отваги гулевой...
Но Коля Лялин вдруг внезапно понял,
Что кто-то вырвал душу у него.
Он кинул взор на косогор и дальше,
Направо и налево и кругом...
— Ну что ж ты, Ленка, мне обидно даже
Она — овражком
И бегом, бегом...

4

Любовь.
Скажите, что она такое?
И в чем она?
В дрожании листа?
Или в колках березовых и в поле?
Иль в этой тяге к дорогим местам?
Не для того ль, чтоб с ними поделиться
Сияньем, опалившим окоем?
Не для того ль, чтоб с ними веселиться
На самом главном празднике своем?
Но как-то мы не думаем об этом.
И Ленка тоже...
Мчится вот одна
Без размышлений
По откосу лета.
Любовь.
Ну что ж —
Вне логики она.
Вот и село.
Приникнули рябины
К корявым избам.
А — поди узнай! —
За что она свое село любила?
Пожмёт плечами,
Вспомнит слово «рай».
«Рай» — говорила тихая бабуся,
И кланялась просторной красоте,
И повторяла: «Внученька, любуйся!
Не птицам — ангелятам тут летать...»
И тихая такая старушонка
Она садилась, подстелив платок,
И так глядела, так ловила шорох!
Гармонии божественной знаток.
И вот у Ленки тоже этот трепет
Перед природой —
Бабкина в ней кровь,
Ну, а у бабки кровь от бабки третьей
И пятой, и семнадцатой, и вновь
Считай...

И как бы ни беспечны
Твои расчеты были —
Скажешь ты,
Что красота, она в сердцах извечна,
И как же без нее,
Без красоты?!
А между тем уже сгустился вечер
И гнал от огородов сладкий дух,
И от покосов,
И от темной речки
Туда, к беседе женщин двух, подруг,
К воспоминаньям матери и дочки —
Одна другой была скорей сестрой,
Сияли звёзд над ними многоточья...
— Я завтра, мам, со сменой со второй.

5

Что ей, Магнитке, смены две?!
Четыре —
Ей было мало б! —
Вот такой уклон.
Кроили ей бока,
Верхи чертили...
У первой домны
Встал герой мой. Он,
Как и другие тоже,
В новом деле,
По правде говоря,
Гнал часто брак...
И если бы не доменщик Петелин,
Не знаю даже, — справился бы как!
А он, Петелин, просто дядя Сеня,
Магнитки ради кинул свой Донбасс,
Работал так — глядеть — одно веселье.
Тут был за каждым нужен глаз да глаз...
Иначе далеко ли до аварий?
Они случались поначалу, да!
Поскольку не простое это вариво —
Чугун... То кончится вода,
То подвезут сырье совсем сырое,
То инженер напутает — они
Впервые тоже были в этой роли —
Тут ошибиться — боже сохрани!
И неполадки те так душу мяли,
Так жгла досада сердце вновь и вновь!
Что весь извелся прямо Коля Лялин,
Чуть не забыл себя,
Свою любовь...
А дядя Сеня —
Вот ума палата! —
«Кокс сортируйте, чтоб ровней горел!
Мешайте пыль с рудою кусковатой...»
А Коля зыркал:

— Ну поднаторел!
— Поднаторел! —
Тот отвечал не гордо,
И по лицу его струился свет, —
Отец мой доменщик, Иван Григорьич,
В Макеевке робил полсотни лет...
А календарь листал и комкал числа,
Кидал их в искры,
В пламя,
В гам и гул...
Почти всему была нужда учиться
И чугуну — страна ждала чугун!
А враг тогда с особым интересом
Следил за всем, что делала страна,
Не мог себе найти покоя, места,
Когда качнулась, и пошла она
И двинулась...
И двинулась, родная,
Сначала медленно,
Потом быстрее, быстрее!
С мостами, вагонетками,
Не зная,
Что очень скоро
Нужно будет ей
Весь свой чугун,
Весь хлеб свой —
Фронту, фронту!
Все свои соки,
Всех своих парней...
Но есть ещё лет восемь —
Эти сроки
Необходимы просто были ей!
Назло врагу все главные проекты
В жизнь превращались прямо на глазах...
Вслед за зимой в страну вкатило лето
С дождями, солнцем,
Сеном на возах...
б
Ещё в стране —
Ни ситца, ни сатина,
Ни рельсовых, накатанных дорог...
Печёт Елена, Ленка с Коксохима
В асбестовом костюме свой «пирог».
На ней большая войлочная шляпа,
Обувка с деревянным каблуком,
И быстрому, волнующему взгляду
Ребята улыбаются тайком.
А ей одно —
Чтоб был «пирог» на славу.
И «пережѣг» и «недопал» — беда!
Конечно, Ленка доменщикам стала
И пористый и крупный кокс всегда.

И вот скажи ей:
— Легче — в поварихи!
Отбреет:
Что ты, миленький! Окстись!
А чем же кокс не добрая коврига?
А нет — на поварихе и женись!
Ещё в стране — Ни ситца, ни сатина!
И некогда девчатам танцевать,
И некогда смотреть кинокартины...
Вот вырваться б в село проведать мать!
В селе, оно, конечно, повольготней!
Без копоти и адова огня...
Куда как лучше класть пирог на протвиль
С капустой, с вишней — съедется родня.
Куда как лучше прятать под косынку
Лицо от ветра, солнечных лучей,
Куда как лучше смех в луга рассыпать,
Чем угорать у коксовых печей.
Но если б, правда,
Так вот все на — «лучше»
Равняли жизнь на ловкость и «пристрой» —
Какой бы бог,
Какой счастливый случай
Помог поднять Кузнецк и Днепрострой?!

7

Опять деньки красивые стояли,
Хоть все до одного на холст бери.
И тут под окна Ленки Коля Лялин
Пришёл... Мол, ничего не говори,
А выходи ко мне...
Ну сколько можно?!
Дела, заботы...
А деньки бегут.
И пригорнул к груди так осторожно,
И тихо молвил:
— Ты у меня тут!
А Ленка что?
Да разве не она ли
За это время извелась вконец?
И так глаза её в зарю сияли:
— И, вправду, Лялин,
Время под венец!
Какие там венцы?
Тогда Магнитка
Шагнула сразу на сто лет вперед!
И вслед за ней — и села не улиткой!
— Что ж свадьба без попа! —
Любой поймет.
В село подруг невеста пригласила.
Жених друзей — чтоб ровно баш на баш..
А безработный поп
Аж рот разинул:

— Вот, значит, Комсомол какой он ваш!
Ужели от Кубани до Устюга
Такой он весь, товарищ-господин?!
Нет жениху приличного костюма,
А у невесты платье — срам один...
И мать, чтоб не кручинились подружки,
Поет и пляшет — плакала ж вчера!
И дыбятся в светелке две подушки
Утиного, куриного пера.
А на столе капуста —
Сколько хочешь!
И студень,
И пайковый разносол...
И так бы взял и подцепил груздочек,
И в пляс пошел с тобою, Комсомол!

8

Пусть отпуск — роскошь!
Но как был он нужен!
И вот сквозь всю огромную страну
Герой Магнитки, нынче ставший мужем,
Везет к себе на родину жену.
Глядит он в лица селам и станицам,
Где на колхоз порой одна супонь,
Кружил тут голод каркающей птицей
И подыхал в упряжке старый конь.
Отец крутил сигарку за сигаркой:
— Тяни, небось, родится самосад!
У самого ж сигарка эта гасла —
То ли слеза в усах,
То ли роса...
Какой там отпуск и медовый месяц!
В родительском доме концы б свести!
Да лобогрейку починить, да вместе
С колхозниками сена наскрести.
И новый день поставить на колеса —
Пускай он едет в новый урожай...
А мать уже лила заране слезы:
Ужель необходимо уезжать?
Отец ворчал:
Да что же это, что же!
В краю отцовском сын — залетный гость...
Пусть на руках забыла землю кожа!
Должна же эту землю помнить кость...
А сам глядел, как Коля косу правил,
Как ловко поводил он оселком,
И думал: «Видимо, не вправе
Я здесь его удерживать силком...»
«Отец, стране — в копейку неумелость!
Я доменщик Магнитки, ведь она
Работать только стала, как хотелось...
А ведь в стране нехватка чугуна!»
«Оно, конечно, платим за ошибки, —

Сказал отец, — немалую деньгу...»
И вдруг уткнулся он в траву-душицу,
И воробей чирикнул на стогу.

9

Вновь поезд шел,
С уклона поспешая,
Как будто знал, что в жизни много дел.
Какая ты, страна моя, большая! —
Так думал Лялин и в окно глядел.
И знал он — места не было дорожке
На всем Урале — верь ему, не верь! —
Она, Магнитка, въелась в его кожу,
Как и земля, что кинул он теперь.
Изо дня в день,
Из ночи в ночь за домной
Вновь ходит Лялин, —
С домной он на «ты»,
И думает: «Сейчас бы вот озона,
Степной, прохладной, дальней чистоты!»
А дядя Сеня как-то утром майским,
Из трубки выколачивая жар,
Сказал начальству на собрание:
— Мастер!
А мастера держать в подручных жаль.
Теперь и на покой уйти мне можно,
В Макеевку податься, до родни...
Магнитогорск,
Теперь уже он ожил,
Теперь уже вы справитесь одни!
И Лялину пожал он крепко руку,
И в первый раз по отчеству назвал.
А тот сробел, но всё же:
— За науку
Спасибо, дядя Сеня, — он сказал!
— Спасибо! — повторило и начальство
Простое слово, емкое вполне...
В стране, в ту пору
Рвущейся на части,
Спасибо то — медалью наравне!
Потом ни Франции, ни Англии, ни прочим
Уж не догнать Россию, а пока
Ещё пахать, пахать, ворочать,
Чтоб била жизни новая река.
Рубить кайлом, а не бросать на ветер
Бездумных слов — слов не расслышать тут!
Чтоб жил металлургический конвейер —
И Коксохим, и домна...
Вот цветут
В сталеплавильном и прокатном стане, —
Да пусть простят за лирику меня! —
Цветы —
То розы белые из стали,

То красные гвоздики из огня!
Рубить кайлом,
Руду готовить к плавке,
Чтоб лился нескончаемый поток,
И тот поток — врагу страшней удавки.
А с этим враг смириться разве мог?
Магнит-горы гигантские ступени
Его пугали — ведь не кто иной, —
По ним и строй Советский шел,
И Ленин...
И каждый шаг врагу — взрывной волной.
И враг, что был не где-то, — по соседству! —
Чернил Советы, был, понятно, рад
Зубами вырвать у России сердце,
Броню ее и голубой булат...
Что за булат!
Высокий тон и чистый! —
Российским мастерам далась руда...
Булатною косой мужик плечистый
Косил в лесу березки без труда!
Лишь охали,
Ломались косовища!
Да падали с устатку мужики
На спелые поляны, токовища
И на просторы —
Глазом их окинь!
Моя Россия!
Реки, птичьи хоры!
И синяя, и золотая даль...
Сейчас по ней
Гуляет мрак и холод —
Ей позарез нужны чугуны и сталь
Для лемехов, турбин
И самолетов...
Она, Россия,
Силилась взлететь,
Как птица, разорвавшая тенета,
Она мечтала распахать всю степь
И рельсами соединить, как ниткой,
И села, и большие города...
Как ни крути, —
А все в нее, в Магнитку,
Надежды упирались в те года.
10
И люди насмерть у печей стояли!
И выполняли нормы трижды в день
Раз в год, бывало, выберется Лялин
С семьей в деревню,
К теще на плетень
Рубаху кинет,
В речке окунется:
— Ах, Лена, Лена,

Что за благодать!
И засмеется...
А до войны уже рукой подать.
Глянь, Лена, в тот июнь и август,
В тот сорок третий,
В сорок пятый год!
Там твой мужик, качаясь как от браги,
Идет от домны, вытирая пот...
Хоть ты сама,
Как из больничных боксов,
Вся стаяла,
И, видимо, навек
Пропах твой волос, поседевший, коксом,
Лишь зрак горит
Из-под спаленных век.
Идет чугун, идет!
Сто марок стали
В войну родится —
Крепких, броневых
И бронебойных,
И что для медалей...
И эта сталь —
Сплошной заслон Невы,
И щит Москвы,
И Волги,
И Кубани,
Что где-то там
За снежною горой...
Еще тут можно было бы добавить,
Что из снарядов по врагу —
Второй!
Был сделан из
Магнитогорской стали,
Из ненависти
Сгорбленных девчат,
Из песен твоих, Лена,
Коля Лялин!
Тех песен,
Что поют и посеичас.